

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (3)

ПРОБЛЕМЫ РИМСКОЙ ДЕМОГРАФИИ ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ РЕСПУБЛИКИ В НОВЕЙШЕЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Р. В. Лапырёнок

Саратовский государственный университет
E-mail: lapyrionok@mail.ru

В статье рассматриваются новейшие исследования представителей зарубежной историографии, посвящённые демографическому развитию Рима в период Республики. Автор анализирует наиболее значимые реконструкции, представленные в работах Э. Ло Кашио, Л. де Лигта, С. Гин и других. Он выделяет основные проблемы, которые необходимо разрешить для получения достоверной картины демографического развития Рима в указанный период. К их числу относятся уточнение функций и критериев римского ценза, а также определение факторов, которые оказывали наибольшее влияние на результаты переписей населения.

Ключевые слова: римская демография, республиканский Рим, римский ценз, римское гражданство, союзники, колонии латинского права, римская общественная земля.

The Roman Demography of the Late Republic in the Modern Foreign Historiography

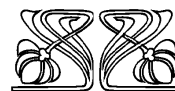
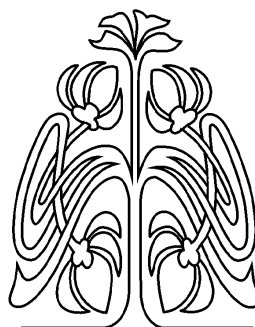
R. V. Lapyrenok

The paper considers the modern discussion about Roman demography of the Republic presented in works of modern foreign scholars. The author discusses the most important reconstructions made by E. Lo Cascio, L. de Ligt, S. Hin and others. He points out the historical problems which must be solved for a better understanding of demographic development of Rome in this period. The criteria and functions of the Roman census, the factors which impacted on Roman census figures of the Republic are meant.

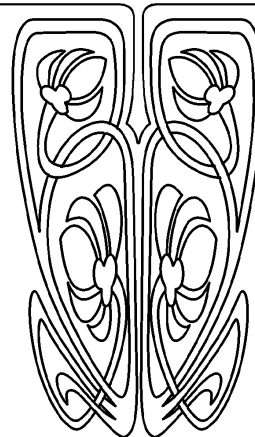
Key words: Roman demography, Republican Rome, Roman census, Roman citizenship, allies, Latin colonies, public land.

Изучение римской демографии периода Республики неизменно связывается с именем выдающегося немецкого антиковеда Ю. Белоха¹. Одной из главных его заслуг стало создание концепции римского ценза, которая легла в основу большинства современных исследований по демографии республиканского периода². Он считал, что данные римских переписей отражают всё взрослое мужское гражданское население, включая *cives sine suffragio*, *libertini* и *proletarii*³. Формирование и развитие института римского ценза регулировалось тремя факторами: воинским набором, налогообложением и участием населения в работе народного собрания⁴. Таким образом, важнейшей его функцией являлся надзор за состоянием людских и финансовых ресурсов, которые были необходимы для обеспечения безопасности гражданской общины. В процессе реконструкции демографического развития Рима немецкий историк использовал широкий круг нарративных источников, активно привлекая материалы из других регионов Средиземноморья.

Несмотря на высокое научное качество концепции Ю. Белоха, многие из её положений нуждаются в переоценке. В частности, она не учитывает важности социальных изменений, которые произошли в период поздней Республики и могли оказать самое непосредственное влияние на критерии подсчёта граждан. Если следовать логике Ю. Белоха, то эти критерии оставались неизменными на протяжении всего

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

республиканского времени. Новейшая дискуссия о демографическом развитии Рима в период поздней Республики, зародившаяся в зарубежной науке как реакция на негативные социальные тенденции в Европе, определяет основные задачи, которые необходимо выполнить для достижения прогресса в изучении данной проблематики.

Среди приоритетных задач в этой области следует выделить уточнение критериев римского ценза. Как уже было отмечено выше, большинство специалистов по римской демографии использует модель, предложенную Ю. Белохом. Таким образом, наибольшей популярностью сегодня пользуется точка зрения, согласно которой данные римских цензов отражают всё взрослое мужское гражданское население, включая *cives sine suffragio, libertini* и *proletarii*⁵. К их числу относятся такие видные учёные, как П. Брант, В. Шайдель и Л. де Лигт. Они признают историческую состоятельность концепции Ю. Белоха и активно используют её положения при подсчёте населения Рима периода Республики.

В. Шайдель обращается к проблеме миграции свободного населения Италии и пытается определить степень влияния данного фактора на экономическое и социальное развитие Римского государства⁶. В ходе исследования он не ограничивается материалами древнего Средиземноморья, но активно привлекает сведения о демографических тенденциях на территории других, часто достаточно отдалённых от Апеннинского полуострова по расстоянию и времени, регионов мира. В число таких регионов входят, например, средневековый Китай и Российская империя⁷. Нидерландский учёный Л. де Лигт приходит к выводу, что ни о каком перманентном сокращении численности населения во II в. до н. э. не может быть и речи. Напротив, первые десятилетия после Ганнибаловой войны были ознаменованы его относительным увеличением⁸. Таким образом, демографический кризис в Риме II в. до н. э. переходит в категорию историографических мифов. Низкие результаты цензов второй половины II вв. до н. э. Л. де Лигт связывает с уклонением большого числа мужчин призывного возраста от исполнения воинской повинности⁹.

Попытка переосмыслить критерии римского ценза и объяснить результаты переписей II в. до н. э. предпринимается в работах Э. Ло Кашио и С. Гин¹⁰. Э. Ло Кашио считает, что увеличение числа граждан по результатам переписи 125/124 гг. до н. э. являлось следствием специфики работы цензоров, которые при составлении своих итоговых отчётов не всегда точно передавали количество малоимущих римлян, что могло стать причиной разночтений в цифрах, представленных у Ливия и других авторов¹¹. Пролетарии не привлекались к военной службе, вследствие чего их перепись проводилась без особой тщательности по причине отсутствия в них практической необходимости¹².

Его реконструкция базируется на мнении, согласно которому переписи в Риме подлежало всё гражданское мужское население, невзирая на принадлежность к пяти имущественным классам, то есть и пролетарии в том числе. Э. Ло Кашио полагает, что важнейшим критерием учёта граждан при проведении ценза являлось участие в центуриатных комициях. Итальянский историк считает, что увеличение числа граждан по итогам ценза 125/124 г. до н. э. было связано с необычайно высокой для того времени активностью римских пролетариев при проведении переписи. На его взгляд, эта активность стимулировалась их желанием принять участие в аграрной программе Тиберия Гракха¹³. Он полагает, что появление негативной динамики в римской цензовой статистике в предгракханский период (164/163–136/135 гг. до н. э.) связано, прежде всего, с ростом числа *incensi*. С. Гин считает, что только мужское население *sui iuris* подлежало переписи¹⁴. Однако известные науке источники напрямую не подтверждают данную гипотезу.

Результаты переписей первой трети II в. до н. э. действительно свидетельствуют в пользу некоторого увеличения числа римских граждан. Впрочем, нельзя с уверенностью говорить о том, что речь в данном случае идёт о естественном приросте населения. На демографическое развитие Рима в указанный период времени оказывали влияние многие факторы.

1. Внутриталийская миграция. Её масштабы легко можно оценить на основе сообщений Ливия об изгнании латинов из Рима (Liv. XXXIX. 3. 4–6; Liv. XLI. 9. 9–10). В одном из таких случаев число иммигрантов достигло 12000 человек.

2. Предоставление полного римского гражданства жителям муниципиев *sine suffragio* (известные науке случаи: Арпин, Формии, Фунды (188 г. до н. э.)). Речь здесь идёт о небольших общинах, но в любом случае совокупное число их жителей, подлежавших военной службе, составляло не менее 10000 человек. К сожалению, источники не сообщают о политике Рима в отношении других *municipia sine suffragio*. Впрочем, все они повторили судьбу Арпина, Формий и Фунд ещё до начала Союзнической войны, а это означает, что теоретически дарование прав полного римского гражданства остальным общинам данного статуса могло произойти ещё во II в. до н. э.

3. Восстановление в правах кампанцев. Во время II Пунической войны число военнопленных жителей Капуи, Калатии, Ателлы и Казилина превышало 30000 человек (Liv. XXIII. 5. 1; см. также: Pol. II. 24. 14).

4. Аграрная программа сената по окончании Ганнибаловой войны. Хотя точное число граждан, получивших земельные наделы, как, впрочем, и самих колоний, нам неизвестно, считается, что в ней было задействовано около 100000 граждан, латинов и италиков (Liv. XXXIV. 45; XXXIX. 44, 55; XL. 29; XLI. 13; Vell. I. 14–15).

К сожалению, всем этим обстоятельствам Л. де Лигт и сторонники его реконструкции не уделяют ни малейшего внимания.

Немаловажное значение имеет также проблема миграции латинов как одного из факторов, оказывавших влияние на результаты римских цензов. Среди новейших трудов по данной проблематике необходимо выделить монографию А. Чошкуна «*Bürgerrechtsentzug oder Fremdenausweisung?*»¹⁵. В ней автор характеризует права и обязанности союзников по отношению друг к другу, а также определяет основные механизмы, при помощи которых Рим осуществлял контроль над латинскими общинами¹⁶. Он предпринимает попытку выявить причины повышенной миграционной активности *socii nominis Latini* во II в. до н. э., следствием которой стало изгнание латинов из Рима в 187, 177 и 173 гг. до н. э.¹⁷ А. Чошкун не обходит стороной и проблему демографического развития Италии после окончания Ганнибаловой войны¹⁸.

В последнее десятилетие XX в. наблюдается некоторое повышение интереса к аграрной политике периода Республики в англо-американской историографии. Римская колонизация Италии и аграрное законодательство II в. до н. э. относятся к числу наиболее значимых факторов, которые оказывали влияние на результаты переписей населения. В этой связи большое значение для выявления специфики демографического развития позднереспубликанского Рима имеют исследования, проводимые в области аграрной политики данного периода. В это время в свет выходит новое издание трудов римских землемеров, которое осуществил Б. Кэмпбелл. В комментарии к текстам он определяет режимы пользования, которые были предусмотрены для *ager publicus populi Romani*. Д. Дж. Гаргола исследует римскую практику землеустройства при выведении колоний и организации поселений *virorum*¹⁹.

Новейшая дискуссия о характере демографического развития Рима во II в. до н. э. находит отражение в работах Н. Морли, Д. Разбона и Н. Розенштейна²⁰. Н. Розенштейн изучает воздействие II Пунической войны на мелкое землевладение²¹. Н. Морли подвергает критике концепцию аграрного кризиса как главной причины возникновения гракханского движения²². По его мнению, Тиберий Гракх «поставил неправильный диагноз» Римскому государству²³. Он считает, что ни о каком уменьшении числа *assidui* в период поздней Республики не может быть и речи. Напротив, их количество постоянно возрастало и в конечном счёте это привело к нехватке земли²⁴. Д. Разбон полагает, что после проведения реформы бронзовой монеты, в результате которой вес асса был уменьшен до одной унции, роль эквивалента при подсчёте размера имущества во время ценза исполняет сестерций²⁵. Данное обстоятельство явилось причиной разночтений в письменных источниках относительно минимального ценза для пятого имущественного класса²⁶.

На рубеже XX–XXI вв. лидирующие позиции в изучении аграрных отношений в Риме завоёвывает англо-американская школа антиковедения. В большой степени этому способствовали успехи, достигнутые отдельными её представителями в области источниковедения. В 90-е гг. прошлого столетия вышли в свет работы Э. У. Линтотта и М. Г. Кроуфорда, которые открыли новые перспективы для исследования и исторической интерпретации эпитафического *lex agraria*. Не меньшее значение имеют научные достижения британских и американских антиковедов в области античной демографии. В ходе новейшей дискуссии о причинах возникновения гракханского движения были обозначены наиболее актуальные вопросы и разработаны новые подходы к решению многих исторических проблем, связанных с демографическим развитием Рима и Италии во II в. до н. э.

Примечания

- ¹ *Beloch J.* Die Bevölkerung der Griechisch-Römischen Welt. Leipzig, 1886; *Idem.* Die Bevölkerung Italiens im Altertum // *Klio*. 1903. Bd. 3. S. 471–490.
- ² См.: *Brunt P.* Italian Manpower 225 B.C. – A.D. 14. Oxford, 1971. P. 24–25; *De Ligt L.* Roman Manpower and Recruitment // *A Companion to the Roman Army* / ed. by P. Erdkamp. Oxford, 2008. P. 126; *Göhler J.* Rom und Italien. Breslau, 1939. S. 140–141; *Morley N.* The Transformation of Italy, 225–28 B.C. // *JRS*. 2001. Vol. 91. P. 50; *Lo Cascio E.* Roman Census Figures in the Second Century BC and the Property Qualifications of the Fifth Class // *People, Land and Politics. Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy, 300 BC-AD 14* / ed. by L. de Ligt, S. J. Northwood. Leiden, 2008. P. 246–248; *Scheidel W.* Human Mobility in Roman Italy, I: The Free Population // *JRS*. 2004. Vol. 94. P. 1–2.
- ³ *Beloch J.* Die Bevölkerung der Griechisch-Römischen Welt... S. 309.
- ⁴ *Ibid.*
- ⁵ *Brunt P. A.* Op. cit. P. 24–25; *De Ligt L.* Poverty and Demography: The Case of the Gracchan Land Reforms // *Mnemosyne*. 2004. Vol. 57. P. 738–740; *Göhler J.* Op. cit. P. 140–141; *Lo Cascio E.* Op. cit. P. 246–257; *Morley N.* Op. cit. P. 50; *Scheidel W.* Op. cit. P. 1–2.
- ⁶ *Scheidel W.* Op. cit. P. 1–26. Миграция рабского населения рассматривается во второй части статьи, которая была опубликована в следующем году: *Idem.* Human Mobility in Roman Italy, II: The Slave Population // *JRS*. 2005. Vol. 95. P. 64–79.
- ⁷ *Scheidel W.* Human Mobility in Roman Italy, I: The Free Population... P. 24–26.
- ⁸ *De Ligt L.* Poverty... P. 754.
- ⁹ *Ibid.*
- ¹⁰ *Hin S.* Counting Romans // *People, Land and Politics. Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy, 300 BC-AD 14* / eds. by L. de Ligt, S. J. Northwood. Leiden, 2008. P. 187–239; *Lo Cascio E.* State and Coinage in the Late Republic and Early

- Empire // JRS. 1981. Vol. 71. P. 76–86 ; *Idem*. Ancora sui censi minimi delle cinque classe “serviane” // *Athenaeum*. 1988. Vol. 66. P. 273–302.
- ¹¹ *Lo Cascio E.* Roman Census Figures... P. 253.
- ¹² *Ibid.*
- ¹³ *Ibid.*
- ¹⁴ *Hin S.* Op. cit. P. 234–235.
- ¹⁵ *Coşcun A.* Studien zu den Rechten von Latinern und weiteren Fremden sowie zum Bürgerrechtswechsel in der Römischen Republik (5. bis frühes 1. Jh. v.Chr.). Stuttgart, 2009. 236 S.
- ¹⁶ *Ibid.* S. 61–137.
- ¹⁷ *Ibid.* S. 156–200.
- ¹⁸ *Ibid.* S. 25–29.
- ¹⁹ *Gargola D. J.* Lands, Laws, & Gods. Magistrates & Ceremony in the Regulation of Public Lands in Republican Rome. Chapel Hill, 1995 ; *Idem*. The Gracchan Reform and Appian’s Representation of an Agrarian Crisis // *People, Land and Politics. Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy, 300 BC-AD 14* / eds. by L. de Ligt, S. J. Northwood. Leiden, 2008. P. 487–519.
- ²⁰ *Morley N.* The Transformation of Italy, 225–28 B.C. // JRS. 2001. Vol. 91. P. 50-62 ; *Rathbone D.* The Development of Agriculture in the ‘Ager Cosanus’ during the Roman Republic: Problems of Evidence and Interpretation // JRS. 1981. Vol. 71. P. 10-23 ; *Rosenstein N.* Recruitments and Its Consequences for Rome and the Italian Allies // *Herrschaft ohne Integration? Rom und Italien in republikanischer Zeit* / hrsgg. von M. Jehne, R. Pfeilschifter. Frankfurt am Main. 2006. S. 227–241.
- ²¹ *Rosenstein N.* Marriage and Manpower in the hannibalic War: «Assidui», «Proletarii» and Livy 24.18.7–8 // *Historia*. 2002. Bd. 51. Hft. 2. S. 163–191.
- ²² *Morley N.* Op. cit. P. 59–61.
- ²³ *Ibid.* P. 60.
- ²⁴ *Ibid.*
- ²⁵ *Rathbone D.* The census qualifications... P. 144.
- ²⁶ *Ibid.*

УДК 27–247.8

РОЛЬ ПАПИЯ ИЕРАПОЛЬСКОГО В ФОРМИРОВАНИИ ТРАДИЦИИ ОБ АПОСТОЛЕ ИОАННЕ БОГОСЛОВЕ

Д. В. Красников

Саратовский государственный университет
E-mail: krasnikovdv@mail.ru

Автор анализирует труд Иерапольского епископа Папия (ум. после 130 г.) и приходит к выводу о связи исследуемого текста с Евангелием от Иоанна. Эта связь позволяет установить влияние Папия на возникновение и формирование традиции об апостоле Иоанне Богослове.

Ключевые слова: Папий Иерапольский, раннее христианство, рецепция новозаветных книг, апостол Иоанн, апостольские мужи, история ранней Церкви.

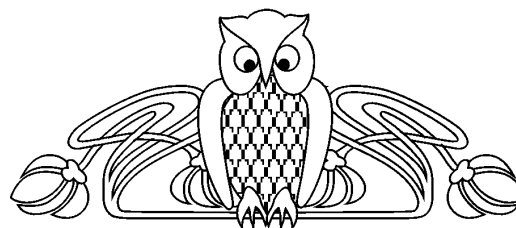
Papias' Role in the Emergence of the Church Tradition about St. John

D. V. Krasnikov

The author analyzes the work of the bishop of Hierapolis Papias (d. after 130 C.E.) and comes to conclusion about relations of his text to the Gospel of John. This allows to establish Papias' influence on the emergence and the tradition formation about the St. John.

Key words: Papias of Hierapolis, Early Christianity, reception of New Testament, John the Apostle, Apostolic fathers, history of the Early Church.

Папий Иерапольский – один из немногих христианских епископов начала II в., который мог сохранить и одновременно развить идеологию иоанновой общины. Связь труда Папия с текстами Иоанна Богослова, однако, должна быть доказана, путь к этому мы попытаемся указать в данной ста-

тье. Такая ранняя рецепция трудов Апостола, если она имела место, будет считаться одним из самых ранних свидетельств существования традиции об их авторе. Решение проблемы осложняется тем, что в сохранившихся фрагментах труда Папия «Истолкования слов Господних» нет ни слова о Евангелии от Иоанна.

Фрагменты Папия издавались неоднократно. Среди наиболее авторитетных изданий можно назвать труд Дж. Лайтфута и Дж. Р. Хармера¹, первое издание которого вышло еще в 1891 г., последние издания Й. Кюрцингера² и У. Кёртнера³. Переводы фрагментов Папия на русский язык собраны в издании «Писания мужей апостольских» с современными комментариями⁴.

Исследование фрагментов Папия Иерапольского в XX в. прибавило аргументов в дискуссию об авторстве Четвертого Евангелия. Это особенно ярко выразилось в полемике между Ч. Хиллом, представителем традиционного взгляда на авторство Евангелия от Иоанна, и Р. Бокхэмом, сторонником гипотезы об авторстве старца Иоанна⁵.

Среди исследователей нет единого мнения о датировке работы Папия, не говоря уже об отдельных данных его биографии. Дж. Лайтфут датировал его литературную деятельность приблизительно 130 г.⁶, в то время как Б. Ф. Весткотт – 140–150 гг.⁷, В. Бауэр считал Папия офици-